

Н. ГЕРЧЕВ¹

ДЕГОМОГЕНИЗАЦИЯ ТЕОРИИ ДЕНЕГ МИЗЕСА

То, что сделал Мизес в теории денег, невозможно описать в рамках одной статьи. Он дал окончательное объяснение природы денег, а также обосновал трехступенчатую классификацию благ (средства производства — потребительские блага — средства обмена), прояснив взаимоотношения, с одной стороны, денег и капитала, с другой — денег и благосостояния. Введенное им онтологическое разделение денежных объектов на деньги и денежные заместители имеет первостепенную важность для анализа денежных явлений; оно успешно используется для анализа теории и истории банковской деятельности, деловых циклов и денежных институтов. Мизесу удалось соединить теорию денег с теорией ценности, избавить ее от ошибок прошлого и продемонстрировать логическую непоследовательность представления о нейтральности денег².

Все это дало Мюррею Ротбарду основания для его знаменитой формулировки: «Австрийская теория денег, можно сказать, начинается и заканчивается опубликованным в 1912 г. монументальным трудом Людвиг фон Мизеса „Теория денег и кредита“»³. В то же время перспективность концепции Мизеса постоянно ставилась под сомнение, особенно в той части, которая связана с объединением теории ценности и теории денег. По мнению Джона Хикса, Мизес, «проверив теорию денег, основанную на предельной полезности, пришел к выводу, что деньги представляют собой призрак золота, поскольку выяснилось, что деньги как таковые предельной полезности не имеют»⁴. Дон Патинкин присоединился к мнению

¹ Аспирант, младший преподаватель кафедры экономической теории университета Пантеон-Ассас (Париж-II), n_gertchev@hotmail.com. Я хотел бы поблагодарить Гвидо Хюльсмана (Guido Hülsmann) и Бертрана Леменисье за советы и комментарии. Статья опубликована в: *Gertchev, Nikolay. Dehomogenizevg Mises's Monetary Theory // Journal of Libertarian Studies. Vol. 18. No. 3 (Summer 2004). P. 57—90. Пер. с англ. В. Кошкина.*

² См. описание теории денег Мизеса в статье Джозефа Салерно «Теория денег Людвиг фон Мизеса в контексте современной монетарной теории» (*Salerno, Joseph T. Ludwig von Mises's Monetary Theory in Light of Modern Monetary Thought // Review of Austrian Economics. Vol. 8. No. 1 (1994) [см. наст. изд., с. 695 сл.]*).

³ *Rothbard, Murray N. The Austrian Theory of Money // The Foundations of Modern Austrian Economics / Ed. Edwin Dolan. Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1976. P. 297. См. также: Ludwig von Mises. Theory of Money and Credit. Trans. H. E. Baston. Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1980 [см. наст. изд., С. 3—5].*

⁴ *Hicks, John. A Suggestion for Simplifying the Theory of Money // Economica. Vol. 2. No. 5 (1935). P. 2.*

Хикса¹. Лоренс Мосс счел теорию денег Мизеса неудовлетворительной; в частности, он утверждал, что «в „Теории денег и кредита“ не сформулирован методологический подход, позволяющий анализировать монетарные проблемы, [а кроме того, Мизес перепутал] спрос на деньги со спросом на *услуги*, которые можно получить с помощью денег»².

Возникает вопрос, действительно ли теория денег Мизеса является столь зрелой и последовательной, как полагал Ротбард.

В этой статье изложена точка зрения, отличная от ротбардовской. Она заключается в том, что, хотя теория денег Мизеса действительно начинается с его монографии «Теория денег и кредита», она на этом не завершается, а имеет продолжение в «Человеческой деятельности»³. Джозеф Салерно уже отметил некоторые существенные различия между идеями, изложенными в «Теории денег и кредита» и в «Человеческой деятельности». Эти различия свидетельствуют в пользу позиции Хербенера, который недавно дал отпор попыткам Селджина и Уайта «связать школу свободной банковской деятельности со взглядами Людвига фон Мизеса»⁴. Таким образом, изучение различий между изложением мизесовской теории денег в «Теории денег и кредита» и в «Человеческой деятельности» представляет собой важную задачу.

Статья состоит из двух частей, посвященных двум главным разделам теории денег. В первой части исследуется развитие представлений Мизеса о ценности денег, во второй — эволюция его теории банковской деятельности. Каждая часть состоит из трех разделов: первый посвящен «Теории денег и кредита», второй — «Человеческой деятельности», а третий — критикам идей Мизеса и тем, кто претендует на его наследие.

Ценностная теория денег Мизеса

Главный компонент любой теории денег — объяснение феномена ценности денег, т.е. того, почему люди желают иметь деньги; в противном случае сам предмет теории становится неопределенным. Сложность

¹ *Patinkin, Don.* Money, Interest, and Prices: An Integration of Monetary and Value Theory, 2nd ed. New York: Harper & Row, 1965. P. 575.

² *Moss, Laurence.* The Monetary Economics of Ludwig von Mises // The Economics of Ludwig von Mises: Toward a Critical Reappraisal. Kansas City: Sheed and Ward, 1976. P. 14, курсив автора. — Н. Г.

³ *Mises, L. von.* Human Action. Scholar's ed. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998. [*Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005.]

⁴ *Salerno, Joseph T.* Mises and Hayek Dehomogenized // Review of Austrian Economics. Vol. 6. No. 2 (1993). P. 139—144; *Selgin, George; White Lawrence.* In Defense of Fiduciary Media — or, We are Not Devo(lutionists), We are Misesians! // Review of Austrian Economics. Vol. 9. No. 2 (1996); *Herbener, Jeffrey.* Ludwig von Mises on the Gold Standard and Free Banking // Quarterly Journal of Austrian Economics. Vol. 5. No. 1 (2002). P. 67, 89—91.

этой задачи связана с необходимостью использовать применительно к средству обмена, занимающему среди благ особую позицию, те же аналитические инструменты, которые используются для исследования ценности других товаров. Вопрос о том, как справляется с этим Мизес, представляет особый интерес, так как в первой части «Теории денег и кредита» он формулирует собственную теорию ценности¹. Описав то, как Мизес анализирует ценность денег, мы продемонстрируем, что его ранняя работа, основания на гипотезе вменения ценности, не учитывает основных постулатов его собственной общей теории ценности.

Объективистская парадигма меновый ценности денег

Когда Мизес в «Теории денег и кредита» в первый раз обращается к вопросу ценности денег, он формулирует следующий странный тезис: «Законы, которыми определяется ценность денег, отличны от законов, определяющих ценность производственных благ, и законов, определяющих ценность предметов потребления. То, что есть общего и у тех, и у других, сводится к фундаментальному закону экономической теории — закону ценности»².

Смысл этих слов становится ясен, если учесть, что Мизес имеет в виду конкретное и единственное различие между упомянутыми законами, которое состоит в том, что дополнительное количество денег в отличие от дополнительного количества средств производства или потребительских благ не увеличивает благосостояния членов общества. Изменение ценности денег соотносится со спросом на них таким образом, что экономическое положение человечества остается неизменным вне зависимости от того, увеличилось или уменьшилось количество денег³.

Однако и этот тезис тоже может вызвать недоумение, так как он основан на предположении, что ценностные суждения о денежных запасах не зависят от имеющегося количества денег. Однако именно из этого исходит Мизес в «Теории денег и кредита», когда пишет: «...деньги не имеют иной полезности, кроме той, что проистекает из возможности получить в обмен на них другие экономические блага»⁴. В том же духе можно истолковать и следующее утверждение: «На самом деле условия спроса на деньги, включая спрос для целей хранения, не зависят от факторов, лежащих на стороне предложения денег»⁵.

¹ О теории ценности Мизеса см.: *Hülsmann, Jörg Guido*. Introduction // *Mises L. von*. Epistemological Problems of Economics. 3rd ed. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 2003.

² *Mises*. Theory of Money and Credit. P. 102 [см. наст. изд., с. 83].

³ *Ibid.* P. 102 [см. наст. изд., с. 83].

⁴ *Ibid.* P. 118 [см. наст. изд., с. 95].

⁵ *Ibid.* P. 171 [см. наст. изд., с. 148].

Мизес начинает анализ определения объективной меновой ценности денег со следующего утверждения: специфика денег состоит в том, что их субъективная потребительская ценность и субъективная меновая ценность «совпадают»¹. Кроме того: «Субъективная ценность денег всегда зависит от субъективной ценности других экономических благ, которые могут быть получены в обмен на деньги. В действительности их субъективная ценность является производным понятием»².

Чуть ниже Мизес, некритично следуя за Фридрихом Визером, делает следующий вывод: «Субъективная ценность денег должна измеряться предельной полезностью благ, получаемых в обмен на деньги»³. Из того, что у денег нет собственной предельной полезности, разумеется, логически вытекает, что благосостояние общества не может быть увеличено с помощью дополнительного количества денег.

Отношение Мизеса к природе субъективной ценности денег остается загадкой. Если это понятие вторично, то это означает, что конкретное количество денег в принципе не поддается независимой оценке. Иначе говоря, это означает, что деньги не являются независимым, отдельным благом. Но это противоречит многим предыдущим утверждениям Мизеса в «Теории денег и кредита», в особенности же следующему трезвому замечанию: «Меновая ценность денег и меновая ценность квитанций, ордеров, сертификатов, варрантов и т.д. определяется совершенно по-разному. Титулы, подобные вышеназванным документам, вообще не являются самостоятельными объектами процесса оценивания»⁴.

Но если деньги не являются независимым благом, то как объяснить, для чего людям вообще их хранить? Как можно начать использовать что-то в качестве средства обмена, если люди не ценят это благо (и конкретное количество этого блага) само по себе, а ценят в нем лишь те количества иных благ, которые оно может купить? Вполне возможно, что Мизес отрицал наличие у денег независимой субъективной ценности из-за того, что слишком широко толковал ту, глубоко верную по существу идею, на которой основана его знаменитая теорема регрессии: «...для того, чтобы деньги обладали потребительной ценностью, наличие у них меновой ценности является существенным»⁵. Однако то, что эта идея верна, не дает никаких оснований идти дальше и предполагать, будто бы субъективная потребительская ценность денег «совпадает» с их объективной меновой ценностью, исходя, таким образом, из *вменения ценности* благ, полученных в результате обмена за какое-то количество денег, непосредственно этому количеству денег.

¹ Ibid. P. 118 [см. наст. изд., с. 95].

² Ibid. P. 119 [см. наст. изд., с. 96].

³ Ibid. P. 130 [см. наст. изд., с. 107.], курсив мой. — Н. Г.

⁴ Ibid. P. 110; см. также с. 95—102. [См. наст. изд., с. 89, 76—83.]

⁵ Ibid. P. 118 [см. наст. изд., с. 96].

В данном случае Мизес впадает в противоречие со своей собственной теорией ценности, которую он излагает в первой части «Теории денег и кредита», отчасти в ходе критического разбора взглядов Бём-Баверка. Мизес придает очень большое значение невозможности установить количественное соотношение между ценностью разных запасов товара («акт оценивания не предполагает никакого измерения»¹). Но этот вывод, сделанный на основании представления о ценности как «значимости, которую отдельным единицам товара присваивает человек, желающий их потребить или как-то иначе распорядиться, и выбирающий их из всего многообразия товаров, руководствуясь соображениями наилучшего использования», исключает возможность вменения ценности, поскольку вменение ценности подразумевает возможность установления единого соотношения ценностей².

В целом в «Теории денег и кредита» Мизес несколько преувеличивает значение объективной меновой ценности денег для определения покупательной способности денег и недооценивает важность субъективных оценок ценности в этом процессе. Это подталкивает его к таким утверждениям, которые вызывают подозрения, не использует ли он на самом деле сугубо механистический «подход реальных денежных остатков». В двух местах «Теории денег и кредита» Мизес исходит из того, что предметом спроса со стороны людей является запас покупательной способности, причем, как ни странно, в данном случае он не считает, что этот запас нельзя оценить независимо: «Запас покупательной способности двух индивидов, находящихся в одинаковых объективных обстоятельствах, может быть совершенно различным, если они по-разному оценивают преимущества и издержки обладания этим запасом»³.

¹ Ibid. P. 52 [см. наст. изд., с. 33].

² Ibid. P. 51 [см. наст. изд., с. 32]. Отметим, что все это вполне согласуется с часто встречающимся у Мизеса утверждением об убывании предельной полезности денег. Поскольку предельная полезность благ, которые приобретаются в обмен на дополнительное количество денег, убывает, то убывает и «производная полезность» денег. См. в особенности: Ibid. P. 161, 164—165 [см. наст. изд., с. 140, 143].

³ *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 154 [см. наст. изд., с. 133]. См. также с. 157 [с. 136], где Мизес объясняет, каким образом человек достигает «желаемого уровня резервов покупательной способности» в тех случаях, когда он рассматривает «свои резервы покупательной способности» как слишком большие или слишком маленькие. В экономическом отношении рассуждения Мизеса безупречны, но та форма, в которую он их облек, тем не менее подразумевает, что люди предъявляют спрос на реальные денежные остатки, а не на номинальные остатки наличности. Отметим также, что отрицание Мизесом представления о том, что «если объективная меновая ценность денег падает, то спрос на деньги с необходимостью должен увеличиваться» вполне сочетается с подходом реальных остатков, если считать, что реальные остатки оцениваются субъективно. См.: Ibid. P. 188 [см. наст. изд., с. 164].

Отметим: Мизес не пишет, что люди оценивают денежные единицы с учетом их покупательной способности; он пишет о «резерве покупательной способности». Иными словами, люди рассматриваются не как обладатели «денежных остатков» («*money balances*»), корректирующие эти остатки в соответствии с их покупательной способностью, а как обладатели непосредственно «реальных остатков» («*real balances*»). Однако если спрос отдельных людей на деньги представляет собой спрос на реальные остатки наличности в указанном смысле, то не имеет смысла говорить о спросе на деньги со стороны всего общества, поскольку каждый отдельно взятый человек оценивает свои остатки наличности в реальном исчислении в зависимости от конкретного набора товаров; иными словами, если фундаментальным аналитическим концептом на индивидуальном уровне является спрос на реальные остатки наличности, то никакого агрегированного денежного соотношения для всего общества установить в принципе нельзя¹.

Похожие рассуждения встречаются у Мизеса, когда он пишет о гиперинфляции: «...если каждый индивид, даже если все его прочие личные обстоятельства остались неизменными, не захочет поддерживать свои остатки наличности на том уровне, который сложился к началу инфляции, совокупный спрос на деньги в обществе, представляющий собой суммарный спрос со стороны всех его членов, также снизится»².

Если понимать спрос на деньги как спрос на номинальные остатки наличности, то совокупный спрос на него со стороны сообщества может падать только при условии физического уничтожения денежных единиц, что при гиперинфляции по определению исключено. Если же в данном случае имеется в виду спрос на реальные остатки, который действительно может падать одновременно с увеличением номинального количества денег, то возникает упомянутая выше проблема агрегирования индивидуального спроса. Так или иначе, следует признать, что в рассуждениях Мизеса имеются слабые места.

¹ В самой теории ценности Мизеса содержится другое опровержение «подхода с точки зрения реальных остатков» («*real balances approach*») к спросу на деньги. В реальном мире «реальных остатков» («*real balances*») не существует, потому что не существует такой вещи, как «реальные деньги» в отличие от просто денег. Соответственно «реальные остатки» вряд ли могут быть предметом оценки, поскольку оценивать можно исключительно конкретное количество товара. В утверждении, что «абстрактных ценностей не бывает», уже содержится опровержение «подхода с точки зрения реальных остатков» к определению ценности денег. *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 60 [см. наст. изд., с. 41].

² *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 260 [см. наст. изд., с. 258]. Мизес пишет практически то же самое в опубликованной в марте 1923 г. статье «*Stabilization of the Monetary Unit, From the View Point of Theory*» (*Mises L. von. On the Manipulation of Money and Credit* / Ed. Percy L. Greaves. Dobbs Ferry, N.Y.: Free Market Books, 1978. P. 11 [см. наст. изд., с. 536—537].

Наконец, есть проблемы и с той концептуальной структурой, в рамках которой Мизес анализирует равновесие спроса и предложения денег. Он систематически утверждает, что покупательная способность денег оказывает влияние не только на спрос на деньги, но и на их предложение: «...спрос на деньги и их предложение испытывают на себе влияние прошлой ценности денег, но спрос и предложение, в свою очередь, модифицируют эту ценность, пока не окажутся в состоянии равновесия»¹.

Если в этом чрезвычайно общем описании денежного равновесия предложение денег находится под влиянием ценности денег, это может означать либо, что 1) «предложение денег» означает «предложение запаса реальных остатков наличности», либо что 2) «предложение денег» следует понимать как текущий поток денег, которые люди предлагают на рынке в обмен на товары. Эта проблема возникает неоднократно, поскольку Мизес пишет также следующее: «Интенсивность, с которой выражают себя спрос и предложение, и, следовательно, уровень менового отношения, обеспечивающий их совпадение, зависят от субъективных предпочтений индивидов. Это верно не только для меновых отношений прямого обмена экономическими благами, не являющимися деньгами, но и для менового отношения между деньгами, с одной стороны, и товарами — с другой»².

Из дальнейших рассуждений Мизеса становится ясно, что под спросом на деньги он понимает желаемый запас денег (это значит, что верно наше первое толкование). Тем не менее неразрешимая проблема агрегирования запасов денег, оцененных в соответствии с разными наборами благ, не позволяет ему создать осмысленное понятие совокупного спроса на деньги, несмотря на то, что он часто ссылается на него.

В заключение отметим, что в «Теории денег и кредита» Мизес дает довольно неубедительный анализ ценности. Исключение денег в качестве независимого блага из процесса субъективной оценки означает провал попытки соединить теорию ценности с теорией денег. Что касается объективной меновой ценности, то внутренняя противоречивость его рассуждений не позволяет даже понять, на какой методологический фундамент он опирается. Вполне возможно, что все эти проблемы, имеющие одну и ту же причину — недостаточный учет индивидуальной деятельности, связаны исключительно с тем, что Мизес анализирует ценность денег с помощью понятий потребительской и меновой ценности.

Ниже я попробую показать, что в «Человеческой деятельности» все перечисленные проблемы решены, потому что там Мизес использует совершенно иной аналитический подход, который, в частности, позволяет ему дать более глубокое описание влияния ожиданий на покупательскую способность денег.

¹ *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 135—136 [см. наст. изд., с. 114].

² *Ibid.* P. 153 [см. наст. изд., с. 132].

Субъективистская парадигма услуг, оказываемых деньгами

В «Человеческой деятельности» анализ с самого начала происходит в терминах спроса и предложения денег. Спрос на деньги понимается как спрос на номинальную денежную наличность, как желаемый запас конкретного количества единиц средства обмена: «Никто не хранит денег больше желаемого объема остатков наличности»¹. Именно такое представление о спросе как о «субъективном элементе, интенсивность которого полностью определяется субъективными оценками», является центральным для нового подхода Мизеса к вопросу ценности денег. Этот вопрос у него четко делится на две части: определение ценности (*valuation*) денег и их оценка (*appraisalment*)².

По вопросу определения ценности денег Мизес — что вполне логично — высказывается кратко: «Но это не меняет главного: определение ценности денег должно объясняться точно так же, как и определение ценности всех остальных товаров, а именно спросом со стороны тех, кто стремится приобрести определенное их количество»³.

Экономист должен обращаться с деньгами так же, как с любым другим благом, потому что деньги подобны всем остальным благам: «В этом отношении деньги ничем не отличаются от других товаров и услуг. Спрос на деньги определяется поведением людей, стремящихся приобрести их для увеличения своих остатков наличности»⁴.

Таким образом, анализ рыночной ценности денег становится частью изучения спроса на деньги. Откуда берется спрос на средство обмена, которое нельзя ни потратить, ни использовать для производства? Какие факторы влияют на этот спрос? Ответы, которые Мизес дает на эти фундаментальные вопросы в «Человеческой деятельности», обладают той последовательностью, которой им не хватало в «Теории денег и кредита».

Спрос на деньги существует потому, что деньги являются единственным благом, способным предоставить людям специфические и очень ценные для них услуги, а именно услуги средства обмена. Как пишет Мизес: «Спрос на средства обмена существует, потому что люди хотят хранить их в запасе». А также: «[Его] величина определяется осмысленной потребностью в наличности»⁵. То, что деньги не могут использоваться для потребления или производства, не мешает им оказывать специфические — денежные услуги; и именно этим объясняется спрос на них.

«[Деньги] необходимо являются экономическим товаром, и как таковым им присваиваются ценность и стоимость в соответствии с их соб-

¹ Mises. Human Action. P. 401 [см. наст. изд., с. 579].

² Ibid. P. 397 [см. наст. изд., с. 574—575].

³ Ibid. P. 400 [см. наст. изд., с. 578].

⁴ Ibid. P. 401 [см. наст. изд., с. 578—579].

⁵ Ibid. P. 399 [см. наст. изд., с. 577].

ственными заслугами, т.е. пользой, которую человек ожидает от наличных денег»¹.

Впервые Мизес подчеркнул значение денежных услуг для понимания спроса на деньги и успешного объединения теории ценности с теорией денег в статье «Место денег среди экономических благ». В ней он пишет: «Все те, кто отрицал способность оказываемых деньгами услуг определять меновую ценность денег, не понимали, что единственным решающим элементом является спрос»².

В следующей части нашей статьи мы встречаемся с важным замечанием, из которого видно, почему Мизес понимает под спросом на деньги спрос на конкретный запас денег: «Услуги, оказываемые деньгами, не ограниваются обслуживанием сделок. Деньги выполняют свою задачу не только в тот момент, когда они переходят из одних рук в другие. Они также выполняют свою службу, когда лежат в кассе как самый ликвидный товар в ожидании использования в будущем в торговле в качестве общепринятого средства обмена»³.

Главное — что в любых обстоятельствах уровень спроса людей на средство обмена определяется их оценкой *потенциальных* услуг, которые способны оказать им деньги⁴. Этот спрос на средство обмена в сочетании с предложением денег определяет покупательную способность денег. Добавив к этому тезис о том, что «польза денег обусловлена величиной их покупательной способности», Мизес получает возможность сформулировать на этом основании фундаментальный закон денег и убедительно показать, какую роль играют объективные факторы в процессе определения покупательной способности денег⁵.

Хотя люди хранят определенное количество единиц средства обмена, эти единицы нужны им не сами по себе, а оттого, что они ожидают от них каких-то услуг. Поскольку деньги хранят для того, чтобы их потратить, эти услуги зависят от покупательной способности денег. Но это само по себе означает, что ни конкретные люди, ни экономика в целом в принципе не могут страдать ни от избытка, ни от недостатка оказываемых

¹ Ibid. P. 415 [см. наст. изд., с. 591—592], курсив мой. — Н. Г.

² *Mises, Ludwig von. The Position of Money among Economic Goods // Mises, Ludwig von. Money, Method, and the Market Process / Ed. Richard Ebeling. Norwell, Mass.: Kluwer Academic Publishers, 1990, p. 58 [см. наст. изд., с. 659].* Статья написана в 1926 г., но опубликована лишь в 1932. Я благодарю Гвидо Хюльсмана за то, что он обратил мое внимание на это обстоятельство.

³ *Mises. The Position of Money among Economic Goods. P. 61 [см. наст. изд., с. 661].*

⁴ Мизес уже затрагивал этот вопрос в «Теории денег и кредита», хотя и не систематически, к тому же — почти исключительно в связи с описанием развития спирали гиперинфляции. Отметим, в частности, что там он выражал сомнения в способности людей предвидеть изменения в покупательной способности денег: «Предсказать степень обесценения денег невозможно» (*Mises. Theory of Money and Credit. P. 252 [см. наст. изд., с. 247]*).

⁵ *Mises. Human Action. P. 418 [см. наст. изд., с. 595].*

деньгами услуг. Человек, желающий получить от денег больше услуг, может сократить свои покупки и увеличить продажи, породив своим поведением такие изменения в покупательной способности денег, чтобы они позволили ему достичь цели — за счет изменения объема услуг, которое способна оказать та же самая денежная единица. Колебания денежных цен на рынке гарантируют, что в каждый конкретный момент каждый человек получает тот объем денежных услуг, к которому стремится, — в той степени, в какой это позволяет ему его состояние. Или, как резюмирует Мизес: «Количество денег в экономической системе в целом всегда достаточно, чтобы обеспечить каждому все, что делают и могут сделать деньги»¹.

Сравним безусловную истинность этого закона, сформулированного на основании анализа равновесия, с гораздо более расплывчатым и не решающим проблему агрегирования спроса тезисом из «Теории денег и кредита», что дополнительное количество денег не увеличивает благосостояния общества или же со следующим бездоказательным утверждением: «...уровни совокупного запаса денег и ценности денежной единицы не имеют никакого значения, коль скоро речь идет о полезности, связанной с использованием денег. Общество всегда получает максимум полезности, которую можно извлечь из использования денег»².

Уже в 1940 г. Мизес подошел вплотную к открытию закона, который он сформулирует в «Человеческой деятельности»: «Услуги, которые деньги оказывают экономике, не зависят от количества денег. Абсолютный объем денег в замкнутой экономической системе не имеет значения»³.

Поразительно, что утверждение, напоминающее этот закон, можно найти в упомянутой выше статье 1923 г.: «Для выполнения функции денег золота не может быть слишком много или слишком мало. Предложение и спрос взаимно балансируются путем образования цен»⁴.

Что касается роли объективных факторов в процессе определения покупательной способности денег, то в «Человеческой деятельности» Мизес больше не утверждает, что деньги отличаются в этом отношении от остальных товаров. В «Теории денег и кредита» он пишет, что задача экономиста по отношению к деньгам начинается только там, где речь идет об их отличии от других товаров, т.е. «в той точке, откуда необхо-

¹ Ibid. P. 418 [см. наст. изд., с. 595].

² *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 165 [см. наст. изд., с. 143].

³ *Mises, L. von. Interventionism: An Economic Analysis*. Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1998. P. 35.

⁴ *Mises. On the Manipulation of Money and Credit*. P. 27 [см. наст. изд., с. 547—548]. Тезис Мизеса о благосостоянии, сформулированный в «Теории денег и кредита», переформулированный в виде утверждения о том, что денежная политика неспособна решить проблему дефицита, был недавно доказан Хюльсманом в: *Hülsmann, Jörg Guido. Optimal Monetary Policy // Quarterly Journal of Austrian Economics*. Vol. 6. No. 4 (2003).

димом проследовать к объективным причинам, определяющим субъективную ценность денег»¹. В «Человеческой деятельности» он ясно говорит, что поиск недостатков и преимуществ, свойственных хранению остатков наличности, не позволяет выделить объективных факторов, проясняющих определение денежной цены, так как остатки наличности всегда «взвешиваются и сравниваются друг с другом каждым индивидом. Результат представляет собой субъективную оценку, окрашенную особенностями личности индивида»².

Когда Мизес утверждает, что «в основе всех суждений о деньгах лежит их покупательная способность, сложившаяся в ближайшем прошлом», он не имеет в виду исключительно и только деньги³. В случае денег сочетание оценки и цен прошлого в процессе определения стоимости не отличается от того, что происходит со всеми остальными товарами. В рыночной экономике, где ценностные предпочтения учитывают не только непосредственную потребительскую ценность, но и меновую ценность, человек не может оценивать товары, совершенно абстрагируясь от текущей структуры цен. Вне зависимости от того, о каком товаре идет речь, ожидаемые будущие цены основаны на ценах прошлого. Таким образом, оценка основана на определении стоимости, для чего требуется знакомство с последними ценами: «В целом необходимо иметь представление о ценах на те товары, которые некто хотел бы приобрести, и сформировать на основе этого знания мнение о будущих ценах на них... Оценка ценности делает крюк; ее путь пролегает через оценку структуры рыночных цен»⁴.

Таким образом, у позднего Мизеса рассуждения о значении ожиданий и цен прошлого для определения покупательной способности денег являются частью его общей теории цен.

В свете всего сказанного выше должно быть ясно: не следует истолковывать теорему регрессии Мизеса (как она сформулирована в «Человеческой деятельности») как доказательство жесткой зависимости текущей покупательной способности денег от их покупательной способности в прошлом. Мизес действительно подчеркивает, что сегодняшняя оценка денег *возможна* только в том случае, если стоимость того, что сегодня является деньгами, была определена в прошлом (как денег или как другого товара)⁵. Отметим, однако, что он подчеркивает и то, что сегодняшняя покупательная способность денег определяется *текущими оценками*, которые находятся под воздействием прогноза покупательной способности денег в будущем. Таким образом, в теореме регрессии говорится лишь о том, что условие, относящееся к прошлому, необхо-

¹ *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 119 [см. наст. изд., с. 96].

² *Mises. Human Action*. P. 427 [см. наст. изд., с. 604].

³ *Ibid.* P. 423 [там же. С. 600].

⁴ *Ibid.* P. 329 [*Мизес. Человеческая деятельность*. С. 312].

⁵ Об этом см.: *Mises. Human Action*. P. 408 [см. наст. изд., с. 585—586].

димо, но недостаточно для существования сегодняшней покупательной способности денег; при этом конкретная покупательная способность целиком и полностью зависит от субъективных оценок, направленных в будущее.

В «Человеческой деятельности» Мизес дает логически непротиворечивый анализ ценности денег. При этом он использует тот же аналитический аппарат, что и при исследовании всех остальных благ. Более того, Мизес утверждает, что проблему определения покупательной способности денег можно решить только опираясь на понятия денежных запасов, спроса на деньги и предложения денег¹. Теперь мы можем перейти к анализу критических возражений против теории денег Мизеса.

Критика критиков

Краткий критический разбор Хиксом попытки Мизеса использовать для анализа денег теорию ценности, основанную на предельной полезности, в целом верен, но только применительно к «Теории денег и кредита». Однако у раннего Мизеса деньги не являются «призраком золота». Скорее их можно назвать призраком всех тех благ, на которые их можно обменять, поскольку именно они, а не тот товар, который стал первым средством обмена, являются источником полезности денег, хотя Хикс, вероятно, понял Мизеса по-другому.

Первая атака Патинкина на теорию денег Мизеса является развитием критических замечаний Хикса. Однако она не имеет под собой оснований, поскольку к этому времени уже была опубликована «Человеческая деятельность», где, как я показал, содержится непротиворечивый субъективистский анализ ценности денег. Однако Патинкин высказал еще два важных замечания, которые мы сейчас и рассмотрим, не забывая, однако, о том, что они относятся исключительно к «Теории денег и кредита».

Патинкин пренебрежительно отзывается о «радикализме» Мизеса, который — ошибочно, на его взгляд, — утверждает, что даже пропорциональное увеличение денежных сбережений всех людей не может привести к соответствующему пропорциональному увеличению всех цен². Патинкин даже не снисходит до объяснений, почему Мизес неправ, полагая, что такое увеличение обязательно приведет к изменению условий спроса и, следовательно, к непропорциональному росту цен. Нужно ясно сказать, что главное открытие Мизеса, а именно то, что изменения предложения денег всегда порождают динамический фактор, — истинно, несмотря на его утверждения в «Теории денег и кредита» о том, что деньги сами по себе не обладают субъективной полезностью. Даже если абстрагироваться от окончательной версии теории денег Мизе-

¹ Ibid. P. 427 [см. наст. изд., с. 603—604].

² См.: *Patinkin. Money, Interest, and Prices*. P. 164 n.

са, все равно, раз индивидуальные предпочтения людей по отношению к товарам неодинаковы (в противном случае обмен не существовал бы), одинаковые изменения размера сбережений всех людей должны приводить к изменению структуры рыночного спроса. Таким образом, даже слабость первоначальных рассуждений Мизеса не дает аргументов в пользу необоснованного упрека Патинкина.

Следующее возражение Патинкина основано на искажении мыслей Мизеса. На всякий случай процитируем его: «[Мизес утверждает] что количественная теория основана исключительно на предположении», что увеличение в два раза спроса на номинальные остатки при неизменных ценах сопровождается снижением в два раза предельной полезности каждого доллара в составе этих остатков¹. Ниже Патинкин пишет: «Можно также отметить, что этот аргумент [изложенный в главе V параграф 8] доказывает ложность утверждения Мизеса о том, что количественная теория основана на гипотезе обратно пропорционального соотношения между количеством денег и их предельной полезностью»².

Действительно ли Мизес писал, что истинность простой количественной теории денег зависит от справедливости такого предположения? Нет; да он и не мог так писать, особенно в «Теории денег и кредита», где он ошибочно утверждал, что у денег нет собственной предельной полезности. Из этого он мог сделать только один вывод: что при неизменном запасе потребительских и производственных благ полезность любого запаса денег одинакова. Соответственно саму гипотезу обратной пропорциональности он критиковать не мог.

На самом деле Мизес пишет (а Патинкин его неверно интерпретирует), что эта гипотеза, *даже если она верна*, не приводит к тем выводам, которые делают на ее основании сторонники количественной теории: «Исходное допущение в системе аргументации сторонников теории, согласно которой изменения количества денег приводят к пропорциональному изменению покупательной способности, состоит в том, что если ценность денежных единиц удвоится, то половина запаса денег, имеющих в обществе, будет иметь ту же полезность, которую имел первоначальный запас. *Корректность этого допущения не обсуждается, однако оно не доказывает того, что призвано доказать*»³.

Таким образом, все возражения Патинкина совершенно безосновательны.

Полноты ради следует добавить, что если бы Мизес использовал свою общую теорию ценности применительно к деньгам, то он счел бы базовую гипотезу простой количественной теории ложной. Это очевидно из его критического замечания о теории ценности Фишера: «Очевидно,

¹ Ibid. P. 95 n.

² Ibid. P. 575.

³ *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 165 [см. наст. изд., с. 143], курсив мой. — Н. Г.

Фишер считает, что из этих допущений следует, что полезность β в два раза больше полезности $\frac{\beta}{2}$... В действительности, даже при неизменном предложении, предельная полезность нескольких единиц, взятых в совокупности, не равна предельной полезности одной единицы, умноженной на число единиц»¹.

Критические замечания Мосса по адресу экономической теории денег Мизеса довольно интересны, однако Мосс, подобно Патинкину, искажает ситуацию, сводя всю теорию денег Мизеса к «Теории денег и кредита»: «За этими исключениями (а также за исключением теории процента), позиция Мизеса по вопросам, обсуждаемым в данной статье, практически не изменилась; по сути, вся его экономическая теория денег изложена в работе 1912 г.»²

Главное возражение Мосса состоит в следующем: «Так как Мизес перепутал спрос на деньги со спросом на услуги, которые оказываются с помощью денег, он был вынужден модифицировать один из основных тезисов австрийской школы, представление о том, что рыночный процесс не находится в плену у прошлого, а „смотрит в будущее“»³.

В «Теории денег и кредита» Мизес действительно совершил это отступление от постулатов австрийской школы, но утверждение Мосса, будто бы Мизес никогда не использовал теорию предельной полезности для анализа услуг, оказываемых деньгами, в свете сказанного нами выше необоснованно. В «Человеческой деятельности» Мизес пошел гораздо дальше простого использования теории предельной полезности: он сделал объяснение определения покупательной способности денег частью общей теории цен.

Несмотря на заслуги Мосса, который действительно выявил слабые места в «Теории денег и кредита», следует остановиться на двух его утверждениях, которые искажают выраженные в этой книге взгляды Мизеса. Во-первых, Мосс считает, что «введение „реальных остатков“ как фактора функции полезности вполне в духе методологического подхода Мизеса»⁴. На самом деле верно прямо противоположное. Кроме того, что понятие о функции полезности совершенно не согласуется с теорией ценности Мизеса, подход с точки зрения «реальных остатков» тоже не подходит для анализа, предполагающего осмысленное использование агрегированных понятий совокупного спроса и совокупного предложения.

¹ Ibid. P. 56—57 [см. наст. изд., с. 37—38].

² Moss. The Monetary Economics of Ludwig von Mises. P. 41. Мосс имеет в виду под исключениями развитие сценария «крах—бум», а также анализ спирали гиперинфляции в статьях, опубликованных в сборнике: *Mises. On the Manipulation of Money and Credit* [см.: Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012; также см. наст. изд., с. 533 сл.].

³ Moss. The Monetary Economics of Ludwig von Mises. P. 14; also p. 17.

⁴ Ibid. P. 22.

Во-вторых, рассматривая теорему пропорциональности, Мосс пишет следующее: «Мизес отвергает эту возможность [того, что график предельной полезности денежного товара должен иметь форму равнобочной гиперболы]; с его точки зрения, «абсурдно» предполагать, что для каждого отдельно взятого человека удвоение денег означает уменьшение в два раза той меновой ценности, которую он приписывает каждой единице»¹.

Выше мы уже продемонстрировали, что Мизес никогда не называл это предположение «абсурдным»; знаменательно, что Мосс в данном случае цитирует не самого Мизеса, а ссылается на пересказ Патинкина. Мизес не просто *понимал*, «что это якобы абсурдное предположение имплицитно содержится в его собственном описании спроса на деньги»², — в «Теории денег и кредита» он, в полном согласии с логикой, писал, что оно не имеет отношения ни в вопросу об истинности простой количественной теории денег, ни к вопросу об истинности его собственной критики этой теории³.

Наш анализ критических замечаний, направленных против теории денег Мизеса, свидетельствует о том, что они относятся исключительно к «Теории денег и кредита», а также о том, что не всем критикам удалось распознать слабые места в рассуждениях Мизеса. Представители экономического мейнстрима незнакомы с той теорией денег, которую Мизес изложил в «Человеческой деятельности», где проблема объединения теории денег и теории ценности была успешно решена. Эволюция теории денег в работах Мизеса, безусловно, учит нас тому, что для решения этой задачи необходим субъективистский подход к услугам, оказываемым денежными остатками, который распространяет одну и ту же реалистическую теорию цен на все товары, включая деньги. Сосредоточенность критиков Мизеса исключительно на «Теории денег и кредита» и их полное пренебрежение «Человеческой деятельностью» помешали им усвоить этот важнейший урок.

А теперь мы рассмотрим эволюцию идей Мизеса в сфере теории банковской деятельности.

Экономическая теория фидуциарных средств обращения

К категории средств обмена относятся не только собственно деньги, но и денежные заместители, т.е. свободно размениваемые требования на деньги. К фидуциарным средствам обращения в понимании Мизеса относятся те денежные заместители, которые выпущены сверх денеж-

¹ Ibid. P. 32.

² Ibid. P. 32.

³ См.: *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 165—174 [см. наст. изд., с. 143—151].

ных сертификатов (денежные сертификаты — это такие денежные заместители, которые полностью обеспечены собственно деньгами). Если денежные сертификаты возникают тогда, когда человек добровольно кладет деньги в банк, то фидуциарные средства обращения сознательно создаются предоставляющим кредиты банком в процессе выдачи фидуциарного кредита. В отличие от товарного кредита фидуциарный кредит представляет собой «кредитные сделки... по которым выигрыш стороны, получающей в свое распоряжение благо, за которое она еще не расплатилась, не уравновешивается никакой жертвой другой стороны сделки»¹. Таким образом, фидуциарные средства создаются «из ничего»². Фундаментальное открытие Мизеса состояло в том, что для понимания банковского дела и его влияния на экономику необходимо тщательное изучение фидуциарных средств. Соответственно последняя треть «Теории денег и кредита» посвящена свойствам и эмиссии фидуциарных средств.

Преимущества от эмиссии фидуциарных средств и ограничения на их эмиссию

Определенные преимущества организованной банковской системы, предлагающей денежные заместители, очевидны. Это обеспечивает физическую сохранность денег, а также делимость денежной единицы, и позволяет избежать издержек на транспортировку денежного товара. Но ранний Мизес видел также *специфические* преимущества, вытекающие из *природы* фидуциарных средств обращения. В «Теории денег и кредита» он уделяет им большое внимание. Все они основаны на том, что поддержание товарного стандарта обходится дорого; это предполагает реальные расходы и жертвы, которые необязательны для функционирования денежной экономики. Этих расходов и жертв можно избежать с помощью фидуциарных средств обращения. Суть рассуждений Мизеса на эту тему в «Теории денег и кредита» сводится к тому, что углубление разделения труда приводит к росту спроса на средства обмена. Использование в этих обстоятельствах исключительно денежного товара было бы связано с некоторыми неудобствами и помехами для экономической системы. Рассмотрим эти издержки и помехи подробнее.

Во-первых, существенные издержки были бы связаны с использованием в качестве денег только такого физического материала, который до этого необходимо было бы произвести: «Современные клиринговые системы и институт фидуциарных средств обращения сделали коммерческую практику независимой от объема и веса денежного материала»³.

Дополнительным преимуществом фидуциарных средств является то, что они упрощают рыночные сделки. Мизес оценивает это преимущество

¹ Ibid. P. 287 [см. наст. изд., с. 294].

² Ibid. P. 341 [см. наст. изд., с. 335].

³ Ibid. P. 120 [см. наст. изд., с. 98].

чрезвычайно высоко, о чем свидетельствует следующее его утверждение: «Тот факт, что в целом ряде стран, таких как Германия и Англия, деньги вообще сохранили свое физическое присутствие в фактическом обороте, а не были полностью вытеснены фидуциарными средствами обращения и денежными сертификатами, целиком и полностью объясняется вмешательством законодательства»¹.

По тем же причинам Мизес неявно поддерживает замену денежных резервов центральных банков, которые он называет «дорогостоящими», иностранной валютой; он также высказывает положительное мнение по поводу идеи создания глобального производителя фидуциарных средств обращения². Надо признать, что Мизес переоценивает пользу от фидуциарных средств обращения. Эти безусловные преимущества объединяют все денежные заместители, они не являются *специфическими* особенностями фидуциарных средств обращения. Таким образом, фидуциарным средствам обращения как таковым следует отказать в том, что способность сокращать издержки и облегчать сделки составляет их уникальную особенность.

Во-вторых, исторически фидуциарные средства обращения, увеличивая предложение денег в широком смысле, предотвратили «гигантское увеличение меновой ценности денег ... [которое] имел[о] бы место вследствие расширения использования денег»³. Соответственно «эмиссия фидуциарных средств обращения позволила избежать конвульсий в виде увеличения объективной меновой ценности денег и уменьшить издержки, связанные с функционированием механизма денежного обращения»⁴.

Если бы фидуциарные средства не смягчили последствий увеличения спроса на деньги, «пострадало бы общественное благосостояние. Увеличение запаса драгоценных металлов, обслуживающего нужды денежной системы, не улучшит положение членов общества, не увеличит степень удовлетворения их нужд, поскольку деньги могут выполнять свою функцию и при меньшем запасе»⁵.

Мизес приводит похожий аргумент в пользу увеличения запаса кредитных, т.е. необеспеченных денег: «Увеличение количества неразменных бумажных или кредитных денег может восприниматься как увеличение запаса благ, находящихся в распоряжении общества, только если

¹ Ibid. P. 321 [см. наст. изд., с. 317].

² См.: *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 375, 325—329 [см. наст. изд., с. 369—370; 321—325]. Вообще в «Теории денег и кредита» Мизес высказывается в пользу унификации денежных единиц: «Совершенно ясно, что даже если мотив, связанный с неодинаковой обмениваемостью благ, используемых как средства обмена, отсутствует, унификация денежного стандарта все равно представляется весьма желательной» (Ibid. P. 46 [см. наст. изд., с. 27]).

³ *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 333 [см. наст. изд., с. 327].

⁴ Ibid. P. 359 [см. наст. изд., с. 353].

⁵ Ibid. P. 333 [см. наст. изд., с. 327—328].

они позволяют увеличить степень удовлетворения денежного спроса, который в противном случае удовлетворялся бы с помощью товарных денег, поскольку материал, из которого изготовлены товарные деньги, нужно было бы получать ценой отказа от других благ»¹.

Мизес рассуждает вполне последовательно; ведь, как мы продемонстрировали выше, в «Теории денег и кредита» он исходит из того, что деньги сами по себе не обладают полезностью. Однако в свете его позднейших открытий, изложенных в «Человеческой деятельности», мы должны признать, что его апелляция к благосостоянию общества — даже в краткосрочной перспективе, которую, он, по-видимому, имеет в виду, — не только неуместна, но и бессмысленна. Хранить деньги — это сознательный выбор человека, и не имеет смысла сожалеть об этом, ссылаясь на то, что с этим выбором связаны определенные издержки. Когда люди делают выбор, в результате которого они принимают решение увеличить свои запасы денежного товара, это означает, что они оценивают эту возможность выше, чем все остальные варианты, доступные им *на момент выбора*. Их выбор бессмысленно называть более, менее или столь же дорогостоящим по сравнению с иным вариантом выбора, который они могли бы предпочесть в иных условиях.

В «Теории денег и кредита» Мизес использует в качестве основания для утверждения о том, что фидуциарные средства обращения увеличивают благосостояние общества, именно такого типа сравнение. Он сравнивает акт выбора в мире, где нет фидуциарных средств обращения, с другим (якобы тождественным ему) актом выбора в мире, где фидуциарные средства обращения есть. Таким образом, его аргумент противоречит его собственной общей теории деятельности, не говоря уже о том, что из сравнения двух разных структур производства нельзя сделать осмысленных выводов о благосостоянии.

В-третьих, банковская система, выпускающая фидуциарные средства обращения, создает благоприятные условия для накопления капитала и тем самым для общего роста благосостояния в будущем. Мизес приводит в пользу этого тезиса два аргумента.

Вначале он отмечает, что заемщик предъявляет спрос не на деньги, а на капитал. Не утверждая, что фидуциарные средства обращения следует добавлять к капиталу, находящемуся в распоряжении общества, он пишет, что капитал создается ради заемщика: «Издержки по созданию капитала для заемщиков, получающих кредиты фидуциарными средствами обращения, несут те, кто кому наносится ущерб вызванными этим изменениями объективной ценности денег»².

Отметим, что фидуциарные средства не создают капитала, а просто *перемещают* существующий капитал от первоначальных владельцев к заемщикам, при этом нанося ущерб некоторым членам общества, ко-

¹ Ibid. P. 161 [см. наст. изд., с. 139].

² Ibid. P. 349 [см. наст. изд., с. 343], курсив мой. — Н. Г.

торые страдают от изменения покупательной способности денег. Сам Мизес подчеркивал эти изменения в структуре собственности для того, чтобы доказать отсутствие систематической взаимосвязи между изменениями предложения денег и изменениями ставки процента.

В «Теории денег и кредита» он излагает также иную, исправленную версию того же доказательства: «Увеличение запаса денег в широком смысле, вызванное эмиссией фидуциарных средств обращения, предполагает перераспределение в пользу эмитента собственности, имеющейся у членов общества. Если фидуциарные средства эмитируются банком, то такое перераспределение особенно благоприятно для процесса накопления капитала, поскольку в этом случае эмиссионное учреждение использует прирост получаемого им богатства исключительно в производительных целях: либо непосредственно — иницилируя и осуществляя процесс производства, либо косвенно — выдавая кредиты производителям»¹.

Почему Мизес считает, что банкир или заемщик будут *систематически* использовать перемещенную собственность с большей (физической или в пересчете на ценность) производительностью, чем ее предыдущий собственник?

В «Теории денег и кредита» Мизес демонстрирует позитивную оценку *природы* и специфики фидуциарных средств. Эта оценка основана на рассуждениях, которые в будущем придут в противоречие с его собственной принципиальной позицией. Но Мизес задает и другой важный вопрос: «Какие факторы ограничивают эмиссию фидуциарных средств и каковы последствия их эмиссии для экономики?» Те ответы, которые он дает, приводят его — уже в «Теории денег и кредита» — к существенному пересмотру взглядов на этот тип денежных заместителей.

Вначале Мизес прямо пишет, что размер фидуциарного кредита, предоставляемого банками, не имеет естественных ограничений: «Так как эмитент создает настоящее благо, с которым он расстается, — фидуциарное средство обращения — практически из ничего, то говорить о существовании естественных ограничений фидуциарных средств можно только в том случае, если количество будущих благ, обмениваемых на кредитном рынке на настоящие блага, было бы ограничено некоторой фиксированной величиной»².

Банковская школа не учла, что банкиры всегда имеют возможность увеличить объемы кредитования за счет сознательных действий, а именно снизив ставку процента по кредитам: «Причина колебаний спроса на кредит, предоставляемый эмиссионными банками, состоит не в чем ином, как в проводимой ими кредитной политике»³. В другом месте он пишет: «...понижая процентную ставку, взимаемую по предоставляе-

¹ Ibid. P. 388 [см. наст. изд., с. 383].

² Ibid. P. 341 [см. наст. изд., с. 335].

³ Ibid. P. 346 [см. наст. изд., с. 339].

мым ссудам, банки могут до бесконечности увеличивать общий спрос на кредит»¹. Из этого Мизес делает вывод, что на эмиссию фидуциарных средств обращения, которая происходит в результате обеспечения фидуциарного кредита, тоже не существует естественных ограничений. А поскольку отсутствие ограничений является в данном случае результатом вмешательства людей, то, в свою очередь, ограничения можно установить исключительно посредством такого рода вмешательства: «Количество фидуциарных средств обращения не имеет естественных пределов. Если в силу неких причин принимается решение, что оно должно быть ограниченным, тогда оно должно быть ограничено каким-то сознательным вмешательством человека, т.е. посредством той или иной банковской политики»².

В этом контексте важно также следующее утверждение Мизеса: «Имеется, однако, одна идея, следы которой прослеживаются [в государственном регулировании банковской деятельности] в каждом случае. В соответствии с этой идеей эмиссия фидуциарных средств обращения должна быть ограничена неким искусственным образом, поскольку никакого естественного предела здесь не существует»³. Одним из принципов, ограничивающих выпуск фидуциарных средств обращения, является предоставление краткосрочных займов⁴.

С другой стороны, хотя банки в состоянии вбросить в обращение сколь угодно большой объем фидуциарных средств, поскольку спрос на фидуциарный кредит неограничен, спрос на *хранение* фидуциарных средств обращения, который является ограниченным, потому что ограничен спрос на средства обмена, ограничивает объем фидуциарных средств, которые выпускает каждый конкретный банк: «Таким образом, в предполагаемых обстоятельствах, банк не может выпустить денежных заместителей в количестве, превышающем то, которое могут использовать его клиенты, — все, что будет превышать это количество, будет возвращаться к нему же»⁵.

Хотя Мизес отмечает, что конкуренция между банками накладывает ограничения на кредитную политику каждого конкретного банка⁶, он учитывает этот фактор в основном тогда, когда рассматривает отношения между центральными банками разных стран⁷, а в целом продолжает придерживаться своего вывода об отсутствии естественных ограничений на эмиссию фидуциарных средств обращения. Именно по этой причине, а также потому, что эмиссионные банки могут договориться об

¹ Ibid. P. 393 [см. наст. изд., с. 387].

² Ibid. P. 346 [см. наст. изд., с. 340].

³ Ibid. P. 367 [см. наст. изд., с. 360].

⁴ См. об этом: Ibid. P. 372 [см. наст. изд., с. 366].

⁵ Ibid. P. 362 [см. наст. изд., с. 356].

⁶ См. в особенности: Ibid. P. 346—347 [см. наст. изд., с. 340—341].

⁷ См.: Ibid. P. 364, 374 [см. наст. изд., с. 358, 368].

установлении общих правил, Мизес строит свою теорию экономического цикла на предположении о возможности неопределенно долгой эмиссии¹.

Однако один из частных выводов из созданного Мизесом «учения о кризисах» состоит в том, что эмиссия фидуциарного кредита имеет конечный предел, хотя этим пределом и является крах банковской системы: «...тем не менее, как было показано выше, рано или поздно этот момент все равно наступит — когда никакое дальнейшее расширение обращения фидуциарных средств станет невозможным»².

Таким образом, в «Теории денег и кредита» Мизес не приходит к ясному ответу на вопрос, существуют ли ограничения на эмиссию фидуциарных средств обращения. Он признает, что результате конкуренции между банками такие ограничения обычно возникают, но не считает это принципиальным: «Ясно тем не менее, что свобода банковской деятельности *per se* [сама по себе] не в состоянии гарантировать невозможность возврата к политике масштабной инфляции»³.

Соответственно в «Теории денег и кредита» Мизес вполне логично утверждает, что для того, чтобы ограничить расширение кредита и инфляцию, которые угрожают существованию рыночной экономики, требуются искусственно сконструированные ограничения: «Создание надежных преград, не позволяющих правительствам осуществлять инфляционистские злоупотребления денежной системой, а банкам увеличивать обращение фидуциарных средств, составляет задачу не сегодняшнего, но завтрашнего дня»⁴.

Позже, внимательнее изучив соотношение свободной банковской деятельности и кредитной экспансии, Мизес существенно пересмотрел свои взгляды на этот вопрос.

Свободная банковская деятельность и кредитная экспансия

Когда Мизес рассматривает теорию фидуциарных средств обращения в «Человеческой деятельности», его в основном интересует кредитная экспансия, под которой он понимает любое увеличение объема фидуциарных средств обращения. Его интерес к этому вопросу имеет под собой глубокие теоретические основания. Во-первых, тщательное изучение проблемы экономического расчета привело Мизеса к выводам, что рыночная экономика основана на денежной системе, а в условиях инфляции предпринимательская деятельность может принимать неверное направление. Мизес занялся кредитной экспансией и поисками

¹ Ibid. P. 396—397 [см. наст. изд., с. 391—392].

² Ibid. P. 404 [см. наст. изд., с. 400].

³ Ibid. P. 436 [см. наст. изд., с. 435].

⁴ Ibid. P. 449 [см. наст. изд., с. 447].

наилучшего способа ее ограничить именно потому, что осознал, как неверные предпринимательские решения, спровоцированные кредитной экспансией, делают людей беднее [по сравнению с положением дел в отсутствие кредитной экспансии]. Он пишет: «Денежный расчет требует денежной системы, функционирование которой не подрывается вмешательством государства... Первейшей целью денежной политики должно быть недопущение развязывания правительством инфляции и создания условий, поощряющих кредитную экспансию со стороны банков»¹.

Во-вторых, в «Человеческой деятельности» Мизес излагает свою теорию процента, объединить которую с теорией денег ему позволяет как раз изучение кредитной экспансии: «Анализом проблемы кредитной экспансии каталлактика завершает теорию денег и процента»². Поэтому не следует удивляться, что в «Человеческой деятельности» анализ фидуциарных средств включен в новый, принципиально иной по сравнению с «Теорией денег и кредита» контекст.

В этой работе Мизес в значительной степени пересматривает свое мнение о полезности этого типа денежных заместителей. Рассматривая фидуциарные средства обращения исключительно как созданные коммерческими банками фонды, за счет которых они обеспечивают фидуциарный кредит и иницируют кредитную экспансию³, Мизес отказывается от первоначальной положительной оценки их естественных особенностей. Принципиальное значение имеет то, что Мизес явным образом дезавуирует свое первоначальное утверждение, что в отсутствие фидуциарных средств обращения экономическое развитие сталкивалось бы с систематическими «потрясениями» и падением благосостояния, вызванными ростом покупательной способности денег. Теперь он отрицает сам факт существования таких «потрясений»: «Но нельзя говорить, что падение цен, вызванное увеличением производства соответствующих товаров, является доказательством отсутствия равновесия, которое нельзя устранить иначе как увеличением количества денег в обращении»⁴.

Вдобавок в случае изменения денежных цен любая попытка заменить неизбежный процесс приспособления структуры производства к новой структуре цен изменениями предложения денег обречена на неудачу: «Увеличив количество денег в обращении, можно отсрочить или прервать этот процесс приспособления. Но невозможно сделать его излишним или менее болезненным для тех, кого он затрагивает»⁵.

Таким образом, гибкость предложения денег, которую обеспечивают фидуциарные средства обращения, вовсе не требуется для успешного функционирования рыночной экономики.

¹ *Mises. Human Action. P. 225 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 211—212].*

² *Ibid. P. 571 [Там же. С. 535].*

³ *См.: Ibid. P. 430 [см. наст. изд., с. 605].*

⁴ *Ibid. P. 428 [см. наст. изд., с. 607].*

⁵ *Ibid. P. 428 [см. наст. изд., с. 605].*

О правильности этого фундаментального вывода свидетельствуют еще две вещи. Во-первых, вне зависимости от направления общего ценовой тренда, последний не в состоянии вызвать в экономической системе «потрясения», потому что предприниматели в своих действиях руководствуются разницей цен, а не общим ценовым трендом: «[Предпринимателей] не волнует общее движение всех цен. Для них имеет значение только существование расхождений между ценами на дополняющие друг друга факторы производства и прогнозируемыми ценами на конечную продукцию»¹.

Если предприниматели способны действовать в любых условиях — во всяком случае, при любом ценовом тренде, — это означает, что не существует никаких искажений, которые вызывались бы постоянным ростом покупательной способности денег.

Во-вторых, если правильно интерпретировать теорию вынужденных сбережений, то из нее следует, что фидуциарные средства обращения способствуют не столько накоплению капитала, сколько его проеданию². С учетом перераспределения богатства в результате изменения предложения денег, ресурсы, которые могли бы быть аккумулированы, могут попасть в руки мотов; в итоге накопление капитала может оказаться ниже по сравнению с тем, что могло бы быть. Таким образом, нет никаких гарантий, что фидуциарные средства обращения сами не могут быть по-мехой накоплению капитала и не бывали такой помехой в реальности.

В «Человеческой деятельности» Мизес отказывается и от положительной оценки роста использования фидуциарных средств обращения в сделках, и от планов создания глобального производителя фидуциарных средств. Он ограничивается тем, что называет «ортодоксальным», или классическим, золотым стандартом условия, при которых золото остается в обращении, никак это не комментируя³. Что касается международного сотрудничества в денежной сфере, то он резко критикует ее: такая система может лишь подогреть кредитную экспансию и создать политическое напряжение⁴. Определенно, в «Человеческой деятельности» не осталось и следа упоминания о тех экономических преимуществах использования фидуциарных средств, о которых Мизес писал в «Теории денег и кредита».

В то же время Мизес продолжает разделять учение Смита—Рикардо о том, что деньги — это мертвый груз для общества, а также мнение о том, что в системе, основанной на денежном товаре, увеличение покупательной способности денег приводит к отвлечению ресурсов на непроизводительное использование⁵. Тем не менее в отличие от «Теории

¹ Ibid. P. 466 [см. наст. изд., с. 642].

² См.: Ibid. P. 545—547 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 211—212].

³ Ibid. P. 457 [см. наст. изд., с. 633—634].

⁴ Ibid. P. 473—475 [см. наст. изд., с. 649—651].

⁵ См.: Ibid. P. 418, 519—520 [см. наст. изд., с. 595, а также: Мизес. Человеческая деятельность. С. 488].

денег и кредита» он нигде не утверждает, что фидуциарные средства обращения способствуют благосостоянию.

Новое открытие Мизеса¹ состоит в том, что единственная альтернатива товарному стандарту, бумажные деньги, тоже связана с издержками. Дело не только в том, что исторически бумажные деньги были гораздо более инфляционными, чем денежный товар, хотя это вынуждает нас признать, что «дороговизна производства золота является меньшим злом». Более фундаментальная причина связана с тем, что не существует способа избежать ненейтральности денег или нейтрализовать последствия этого для распределения богатства, — вне зависимости от того, какими средствами обмена пользуется общество. Таким образом, в «Человеческой деятельности» Мизес, исходя из теоретических оснований, отказывается фидуциарным средствам обращения в тех специфических преимуществах, которые он приписывал им ранее. Осознавая те помехи, которые увеличение их объема создает для экономического расчета, он уделяет большое внимание изучению фундаментального вопроса: способен ли свободный рынок ограничить кредитную экспансию или для этого требуется целенаправленное вмешательство.

Проанализировав ситуацию «сосуществования множества независимых банков», Мизес приходит к выводу, что конкуренция между банками неизбежно препятствует каждому из них, взятому в отдельности, увеличивать выпуск фидуциарных средств обращения, если этого не делают другие, что и «определяет предел эмиссии фидуциарных средств»². Мизес совершенно уверен, что картельные соглашения или следование за лидирующим эмитентом противоречат интересам любого банка, потому что они ставят под угрозу его репутацию, которую очень трудно приобрести и еще труднее восстановить³.

Соответственно, по Мизесу, лучшим решением проблемы кредитной экспансии является свободная банковская деятельность, понимаемая как банковская деятельность в рамках обычного контрактного права, т.е. в отсутствие каких-либо привилегий, позволяющих банкам избежать выполнения обязательств, возникших в связи с выпуском фидуциарных средств: «Свободная банковская деятельность является единственным методом предупреждения опасностей, присущих кредитной экспансии»⁴. Или: «Вопрос об установлении режима свободной банковской деятельности никогда не рассматривался всерьез именно потому, что он слишком эффективно ограничивал бы кредитную экспансию»⁵.

¹ Ibid. P. 419 [см. наст. изд., с. 695].

² Ibid. P. 434—435 [см. наст. изд., с. 612].

³ См.: Ibid. P. 444 [см. наст. изд., с. 621].

⁴ Ibid. P. 440 [см. наст. изд., с. 617].

⁵ Ibid. P. 438 [см. наст. изд., с. 615].

Или: «Только свободная банковская деятельность гарантирует рыночной экономике защиту от кризисов и депрессий»¹.

Вывод Мизеса о том, что рынок способен ограничить кредитную экспансию, означает отказ от признания полезности и необходимости искусственных законодательных ограничений. Теперь он считает, что эти законодательные ограничения были результатом предыдущего вмешательства в функционирование рынка, которое помешало формированию естественных ограничений: «Следует подчеркнуть, что проблема законодательных ограничений фидуциарных средств обращения могла возникнуть только вследствие того, что государство даровало особые привилегии одному или нескольким банкам, тем самым помешав свободному развитию банковского дела»².

Кроме того, законодательные ограничения заведомо менее эффективны, чем свободная банковская деятельность: «Но даже если план 100%-ного резерва был бы принят на основе чистого золотого стандарта, он не смог бы полностью устранить изъяны, присутствующие в любом виде государственного вмешательства в банковскую деятельность. Для того чтобы предотвратить любое дополнительное расширение кредита, необходимо поместить банковскую деятельность в условия общих принципов коммерческого и гражданского законодательства, заставляющего каждого индивида или фирму выполнять все свои обязательства в полном соответствии с условиями договора»³.

В «Человеческой деятельности», тщательно исследовав эмиссию фидуциарных средств обращения, Мизес создал зрелую теорию свободной банковской деятельности, в которой нет места искусственным ограничениям. Если в «Теории денег и кредита» он уделил большое внимание специфическим преимуществам фидуциарных средств обращения, то в «Человеческой деятельности» он делает акцент на преимуществах свободной банковской деятельности. Изменение его позиции связано с ответом на вопросы о том, есть ли у фидуциарных средств обращения специфический благотворный эффект и способен ли свободный рынок ограничить кредитную экспансию. В «Человеческой деятельности» Мизес дает полные и логичные ответы на эти вопросы; в «Теории денег и кредита», как мы показали выше, его ответы неполны и противоречивы.

Современная школа свободной банковской деятельности в свете теории денег Мизеса

Описание позиции зрелого Мизеса по вопросу свободной банковской деятельности дает нам возможность перейти к критическому анализу претензий современной школы свободной банковской деятельности на

¹ Ibid. P. 440 [см. наст. изд., с. 617].

² Ibid. P. 437 [см. наст. изд., с. 614].

³ Ibid. P. 440 [см. наст. изд., с. 616].

близость к австрийской теории денег. Селджин и Уайт, которые стремятся «отмежеваться от Ротбарда и Хоппе и встать на сторону Мизеса, признав законность и практические преимущества фидуциарных средств обращения»¹, достигают своей цели лишь отчасти. Им действительно удалось встать на сторону Мизеса периода «Теории денег и кредита». Однако с учетом того анализа фидуциарных средств обращения, который Мизес дал в «Человеческой деятельности» между его выводом об отсутствии у фидуциарных средств обращения каких бы то ни было специфических преимуществ и ровно противоположной точкой зрения современных сторонников свободной банковской деятельности нельзя обнаружить никакой связи. Кроме того, Мизес вообще не касался вопроса о законности банковской деятельности, основанной на частичном резервировании; он не поддерживал ее и не отрицал. При этом уже в «Теории денег и кредита» можно найти следующее важное замечание: «То, что деньги вложены в банк, никоим образом не означает, что [вкладчик] отказался от своего права распоряжаться заключенной в них полезностью»². Согласно Мизесу, вкладчик продолжает быть *собственником* вложенных денег. Соответственно, если бы Мизес счел нужным высказаться о том, законно ли одалживать эти деньги третьему лицу, он, вероятно, признал бы, что в этой ситуации существует проблема с правами собственности.

Еще более принципиально то, что сходство понятийного аппарата не должно скрывать глубокие различия между австрийской теорией банковской деятельности и современной школой свободной банковской деятельности. Селджин и Уайт называют фидуциарными средствами обращения *совсем не то*, что подразумевал под этим Мизес. Представители школы свободной банковской деятельности рассматривают фидуциарные средства обращения как кредит, который предоставляется *эмиссионному банку*, чтобы тот получил возможность выдать больше кредитов: «Факт хранения эмитированных банком денег, обеспеченных частичным резервированием (как и хранение денежной базы), не только откладывает потребление, но и временно предоставляет заемные средства эмиссионному банку»³.

Иными словами, фидуциарные средства обращения не возникают из ничего, а их эмиссия направлена на удовлетворение определенной человеческой потребности. Таким образом, расчет затрат и выгод конкурирующих эмитентов дает уверенность в том, что все потребности такого рода удовлетворены⁴.

¹ Selgin; White. In Defense of Fiduciary Media. P. 86.

² Mises. Theory of Money and Credit. P. 301 [см. наст. изд., с. 298].

³ Selgin; White. In Defense of Fiduciary Media. P. 103, курсив автора. — Н. Г.

⁴ White, Lawrence. Free Banking in England. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 1—22.

Такие выводы противоречат даже взглядам раннего Мизеса, изложенным в «Теории денег и кредита». В этой книге один из главных тезисов состоит именно в том, что фидуциарные средства обращения создаются из ничего и банкиры всегда имеют возможность увеличить их объем, снизив ставку процента, — как раз потому, что их держатели не являются кредиторами эмиссионной организации: «Лицо, которое принимает и хранит банкноты, не предоставляет никакого кредита — оно не обменивает будущее благо на настоящее благо... Банкнота является не будущим, а настоящим благом — точно так же как и деньги»¹.

Селджин и Уайт апеллируют к авторитету Мизеса необоснованно, поскольку его позиция по этим вопросам несовместима с их представлениями². Даже по вопросу о природе фидуциарных средств обращения между Мизесом и школой свободной банковской деятельности имеются существенные различия; ярким свидетельством этого является то, что Селджин имплицитно отвергает мизесову онтологическую классификацию денежных объектов, когда пытается представить различие между фидуциарным и товарным кредитом как различие в степени: «На самом деле не вполне ясно, что имеет в виду Мизес, когда пишет о товарном кредите»³.

Разница в понимании природы банковской деятельности, основанной на частичном резервировании, приводит к разнице во взглядах на роль этого института с точки зрения достижения денежного равновесия. Современные представители школы свободной банковской деятельности утверждают, вслед за Лиландом Игером: в краткосрочном периоде «объем предложения денег может превысить объем спроса на них», что, с учетом твердых цен, приводит к денежному неравновесию⁴. В силу этого требуется количественная корректировка: «Более того, поскольку изменения ценности денег полностью устраняют избыток спроса или предложения *только* в долгосрочной перспективе (требуется время, чтобы изменения в расходах повлияли на цены в целом), то для краткосрочных корректировок реального денежного предложения необходимы изменения номинального количества денег»⁵.

Хотя доктрина краткосрочного денежного неравновесия не является предметом данной статьи, мы скажем о ней несколько слов, так как она имеет далеко идущие последствия с точки зрения экономической политики. Игер строит ее на двух главных аргументах. Один из них представляет собой вариант рассуждений о том, «что было раньше: курица или яйцо?»; цены снижаются с запозданием, поэтому в краткосрочной

¹ *Mises. Theory of Money and Credit*. P. 304—305 [см. наст. изд., с. 302].

² См.: *Selgin; White. In Defense of Fiduciary Media*. P. 94 n. 103.

³ *Selgin, George. The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*. Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield, 1988. P. 62.

⁴ См.: *Selgin; White. In Defense of Fiduciary Media*. P. 101.

⁵ *Selgin. The Theory of Free Banking*. P. 53—54.

перспективе рост спроса на деньги не может сопровождаться изменением их покупательной способности¹.

Другим аргументом служит указание на «банальный, но крайне важный факт: у денег как средства обмена в отличие от всех остальных товаров нет ни цены, ни собственного рынка». Из этого вытекает, что для денежного равновесия требуются корректировки на всех остальных рынках, причем не только изменения цен, но и количественные изменения².

Оба аргумента неверны. В экономике нет ни одного товара, у которого был бы собственный рынок, потому что на любом рынке обмен — это обмен товаров на деньги. Рынок, на котором товар X обменивается на деньги M, это не в большей степени рынок товара X, чем рынок денег M. Отсюда немедленно следует, что проблемы «что было первым: курица или яйцо?» вообще не существует. Рост спроса на деньги *означает* рост готовности получать деньги для того, чтобы держать их, а не для того, чтобы приобретать другие товары. В силу того что все сделки носят денежный характер, это *означает* рост готовности расставаться с другими товарами, т.е. рост готовности продавать по более низким ценам. Те, кто первыми снизят цены, это и есть те люди, которые стремятся увеличить свои запасы денег. Для восстановления денежного равновесия абсолютно достаточно обычного функционирования рынка в отсутствие специальных помех.

Современные представители школы свободной банковской деятельности разделяют ложную доктрину краткосрочного денежного неравновесия и утверждают, что банковская система с частичным резервированием позволяет удовлетворить возросший спрос на деньги и препятствует разрушительным эффектам реального неравновесия, в которое перерастает якобы возникающее в ситуации роста спроса на деньги денежное неравновесие, потому что она обеспечивает гибкость предложения денег. На этом основании они делают вывод, что у фидуциарных средств обращения есть необходимая функция: они обеспечивают равновесие экономической системы.

В «Теории денег и кредита» Мизес действительно писал, что фидуциарные средства служат для восстановления равновесия. Верно также то, что некоторые недостатки его ранних теоретических работ, о которых мы уже говорили, можно истолковать в пользу тезиса о том, что предложение денег не равно спросу на них. Однако позиция школы свободной банковской деятельности полностью противоречит теории денег зрелого Мизеса, изложенной в «Человеческой деятельности». В чисто количественном выражении предложение денег, которое всегда представляет собой конкретное количество денежных единиц, в принципе не может отличаться

¹ См.: Yeager, Leland. The Significance of Monetary Disequilibrium // Cato Journal. Vol. 6. No. 2 (1986). P. 374.

² Yeager. The Significance of Monetary Disequilibrium. P. 377.

от спроса на деньги, поскольку это спрос на то же самое количество денежных единиц. Более того, в «Человеческой деятельности» Мизес ясно пишет, что использование модели денежного равновесия препятствует пониманию проблематики теории денег, потому что на свободном рынке всегда царит денежное равновесие. Предметом исследования должно быть «денежное отношение», а его изучение показывает, что «тот, кто желает увеличить свои остатки наличности, ограничивает покупки и расширяет продажи и тем самым создает тенденцию понижения цен»¹. Снижение цен не является обязательным условием достижения денежного равновесия; в этом всего лишь проявляется иное денежное равновесие, т.е. изменение денежного отношения. Соответственно «твердые цены» не могут быть препятствием для достижения денежного равновесия; наоборот, они представляют собой результат длительного равновесия.

Отметим, что мы уже рассмотрели аргументы Мизеса против существования каких-либо потрясений, которые могут вызываться снижением денежных цен. Если принять эти аргументы во внимание, то вся аргументация представителей школы свободной банковской деятельности в пользу уравнивающих свойств фидуциарных средств обращения рушится.

Итак, современная школа свободной банковской деятельности не имеет права считать себя наследницей теории денег Мизеса. Даже по вопросу о преимуществах свободной банковской деятельности между Мизесом и этой школой существуют серьезные различия. Представители школы свободной банковской деятельности рассматривают свободную банковскую деятельность как институт, который предлагает любое количество потребных людям средств обмена, с учетом анализа затрат-выгоды. В то же время Мизес считает, что преимущества непривлекательной банковской деятельности, т.е. выполняющей обязательство полной конвертируемости своих банкнот и свободной от *любого* государственного вмешательства, связаны с тем, что это единственный денежный режим, который не мешает предпринимательской деятельности и не уничтожает выгоды от разделения труда.

В этом контексте утверждение Селджина о том, что Мизес «не объяснил воздействия ограниченного государственного вмешательства в банковскую деятельность на авторитет конвертируемого денежного режима», звучит особенно абсурдно². Мизес понимал, что главный вопрос — не в доверии к денежному режиму, т.е. не в том, согласуется ли его функционирование с представлениями людей о том, как это должно быть. Самое главное — это законы его функционирования на свободном рынке и в случае государственного вмешательства. Именно эти законы были предметом научного интереса Мизеса.

¹ *Mises. Human Action*. P. 408 [см. наст. изд., с. 586].

² *Selgin, George. Ludwig von Mises and the Case for Gold // Cato Journal*. Vol. 19. No. 2 (1999). P. 271—272.

Заключение

Эта статья о теории денег Мизеса посвящена исключительно тем проблемам, которые трактуются в «Теории денег и кредита» и в «Человеческой деятельности» по-разному. Эти различия не следует воспринимать как свидетельство слабости теоретической мысли Мизеса и его неспособности определиться по некоторым особенно сложным вопросам. До сих пор попытки объяснить, что именно заставило Мизеса внести изменения в некоторые части своей теоретической конструкции, несмотря на то что этот вопрос довольно важен для понимания его общей теории человеческой деятельности, не предпринималось.

Важно отметить, что в завершенном виде теория Мизеса неуязвима для тех, кто критиковал его более раннюю работу, а также указать на то, что экономическое сообщество еще не полностью усвоило те новые идеи, которые он внес в теорию денег. Однако не следует считать, что «Человеческая деятельность» во всех отношениях превосходит «Теорию денег и кредита» и лишает этот труд актуальности. Она просто представляет собой завершение длительного и хорошо обдуманного проекта.